

Наряду с привычной публикой Большого зала Консерватории им. П.И. Чайковского в этот вечер подавляющее большинство кресел в зале было занято молодежью и детьми. На сцене чинно играли пианисты от 10 до 17 лет, их встречали бурными аплодисментами. Серьезные произведения Бетховена, Шопена, Равеля, Рахманинова исполняли юные лауреаты из Москвы, Латвии, Казахстана, с Украины. Музыка разрушила границы, с таким упорством воздвигнутые политиками. Чудесные звуки рояля «Стейнвей» лились в зал, и если закрыть глаза, то возникало ощущение игры маститых музыкантов - так высока была подготовка пианистов - лауреатов конкурса юных пианистов имени Владимира Крайнева. Сам патрон очень волновался за своих подопечных... за кулисами.

«Ну вот я и родил! - радостно воскликнул Владимир Всеволодович, когда вся программа была отыграна. Мои дети играли во Франции, Германии, но на сцене Большого зала Консерватории впервые. Это самая престижная сцена мира для исполнителей». А потом в уютной квартире на Соколе его ученики, друзья и ваш покорный слуга неспешно перетекали из комнаты в комнату. Хозяин был в прекрасном настроении, много шутил, хлебосольно угощал... Как тут было не использовать такую редкую возможность и не взять у известного пианиста интервью для своей газеты?

- Как возникла идея создания конкурса и Фонда имени Владимира Крайнева?

- В 1991 году раздался звонок из Харькова. Центральная музыкальная школа просила меня возглавить конкурс юных пианистов и присвоить ему мое имя. Я всячески отнекивался, говоря, что имена конкурсам обычно приписывают посмертно, а я-то еще жив. Но они меня убедили, приведя в пример конкурсы имени Клайберна, Менухина, Рубинштейна, которые были учреждены при жизни этих людей. Пожалуй, решающим в наших переговорах была мысль, что в связи с полным развалом всего вокруг нужно попытаться сохранить тот золотой фонд - замечательное музыкальное образование, - который был заложен еще в советское время. Так я согласился.

Когда в 1992 году был проведен первый конкурс, то количество участников превысило все разумные пределы. Заявок на участие было больше 150, а приехали в Харьков 98 человек. Уровень исполнителей был очень и очень высок. В 1994 году, готовясь ко второму конкурсу, мы изменили принципы отбора, сделав упор на профессиональность. Вот тут и стало понятно, что с юными пианистами нужно что-то делать: как-то их держать в сфере своего внимания, помогать им. Для этого был организован Международный благотворительный фонд помощи юным пианистам, опять же под моим именем. Эта структура организует концерты юных исполнителей - не только лауреатов, но и всех тех, кто получил диплом или поощрительную премию, помогают энтузиасты из Харькова, Киева, Москвы. Поистине душа фонда - исполнительный директор Катюша Ширман, наша звезда, которая может все нити соединить, все согласовать. Она объединяет такие музыкальные вершины, как Владимир Спиваков, Константин Орбелян, ваш покорный слуга и других деятелей культуры, обосновавшихся в России, ближнем и дальнем зарубежье. Талантливые дети как бы заносятся в компьютер, и когда где-то в Швейцарии, Франции, Италии или Токио появляется возможность выступить на сцене нашим юным пианистам, скрипачам, духовикам, у Кати всегда есть кандидатура.

В этот момент раздался междугородный звонок из Лондона - это супруга В. Крайнева Татьяна Тарасова интересовалась, как про-

Россия, - 1995. - 5-11 мая, - 12ч Пианист для четырех сторон света

шло выступление в БЗК. Хозяин радостно закричал в трубку: «Все прекрасно! Уже начали готовиться к третьему международному конкурсу, в Харькове пригласительные на заявку отпечатали. Как я? Как ваянка-станька - неумоим! А пока в доме много гостей, мы празднуем, не хватает только тебя. Целую».

- Могли бы вы назвать имена исполнителей, которые вам кажутся наиболее многообещающими?

- Вот этого мне и не хотелось бы делать. Безусловно, есть дети-любимцы, есть более или менее способные, есть лауреаты и не-лауреаты. Это только начало их творческой жизни, поэтому нельзя говорить о какой-то одной личности и забыть о другой. Они все сейчас в равных условиях с точки зрения отношения к ним фонда.

- В России появилось много различных фондов для одаренных детей. Чем ваш фонд отличается от Фонда В. Спивакова, «Новые имена» и других?

- Да, отличие есть - в узкой специализации. Я знаю себе цену, и люди знают, чего стою я. Я не пошел в дирижеры, в общественные деятели, а остался концертующим пианистом и профессором в Московской консерватории и в Ганновере. Я профессионал до мозга костей и то, что знаю, хочу передать детям. Неинтересно, знаете ли, растрачиваться. Если попытаться помогать всем музыкантам экс-СССР, то никакой фонд этого сделать физически не сможет. Ведь пока многое, что сделано конкурсами и фондом, - это на мои средства. Если бы на сегодня я оставался только профессором Московской консерватории, то моей зарплате хватило бы лишь на постройку сортира на Соколе, а, работая за рубежом, я получаю несколько иные материальные возможности - дать детям выйти на сцену, а не «засыхать» в классе. Например, мой друг миллионер Вильгельм Леопольд купил «Золотой зал Европы» в Вене и оплатил телевидение. Четверо наших лауреатов конкурса играли там два концерта. Потом в

несколько ином составе юные пианисты на фестивале в Кальмаре, посвященном в этом году Артуру Рубинштейну, исполняют 24 этюда Шопена. Такая программа не всегда по силам даже взрослым пианистам. Фонд помогает организовывать мастер-классы, престижные выступления и еще многое другое.

- Расскажите о вашей семье?

- Моя мама Рахиль Моисеевна вышла из богатой харьковской интеллигентной еврейской семьи. В то время Харьков был столицей Украины. До революции она жила в достатке, мой прадед даже купил в 1914 году четыре дома в Иерусалиме. Они и теперь стоят под нашей фамилией, но документов не сохранилось, и эти дома - лишь семейное предание. После революции все стало бедными. Мой дядя был начальником КГБ Украины - евреи ведь всегда были бандами. Это я шучу, конечно, но дядю еще в 1960 году называл убийцей.

Я дитя и плод войны. Мои мама и папа врачи, с первого дня пошли на фронт, там же и встретились, а потом в 1944 году родились я. Мама была на самых передовых участках: 1-й Белорусский, 3-й Украинский, 1-й Ударный фронты. Всех ее фронтовых подруг и друзей я хорошо знаю. Они приходили на мои концерты, следили за творческим путем. Машка Мосина, Шурка Шанина, как называет их мама, - заходили за кулисы солидные, пожилые тети, и мне всегда было с ними удивительно приятно. В нашей стране, как ни в одной другой стране мира, жизнь моего поколения проходила под лозунгом войны: сначала подготовка к войне, потом война, потом готовились к следующей войне - холодной и неизвестно какой. В сознании упорно вбивалась мысль, что все хотят нас завоевать. А количество фильмов о войне!.. Мы мировые лидеры в ее воспевании. Спасибо всем павшим за вчерашнюю радость детей, их улыбки, их солнечный талант, их ощущение счастья. Памятник всем убиенным на войне за «незапану

душу», как говорят на Украине, то есть за чистую детскую душу. Чтобы новые поколения не знали Бабьего Яра, гетто и других ужасов.

Слава Богу, сегодня уже никто не говорит, что завтра на нас кто-то нападет. Кому мы нужны с голой попой? Кто же нас приобретет таких вот? Но если не нападают на нас, то реализация военного потенциала выплескивается в Чечне, и мы леем эту язву с удивительным прилежанием.

Я обращаю внимание на множество красивых вещей, которые собраны в этой уютной квартире. Картины, книги, безделушки, интерьер - все отличает хороший вкус.

- Атмосферой и укладом этого дома занимаются две женщины - моя мама и супруга. Татьяна удивительно талантлива, это видно по ее балетным постановкам на льду. В интерьере квартиры, пожалуй, в основном сказались мамин вкус, но также и Танин. Я, как всякий художественно воспитанный человек, очень люблю красивое, но на приобретение вещей никогда не хватает времени. Меня совершенно не лимитирует отсутствие удобств. Везде ощущаю себя абсолютно интернациональным, Крайневым - ни евреем, ни немцем, ни украинцем.

- Что заставило вас уехать из России?

- В 1991 году в Москве было страшное время. На двери подъезда писали: «Вон жинов!» Дверь маминой квартиры разрезали крест-накрест и пометили: «Берегись!» Даже сам Анатолий Тарасов (отец моей жены) - гений хоккея, ортодоксальный коммунист - посоветовал: «Надо ехать!» Я никогда не собирался и не хотел никуда уезжать, но когда обстоятельства сложились так, как они сложились, я не уезжал - я бежал... В Ганновере мне предложили пожизненную должность профессора в музыкальной консерватории. Там есть квартира, большая зарплата, возможность гастролировать по всему миру, но живу я все же здесь. Мой менталитет, все ощущения - русские. Физические перемещения

тела не затрагивают душу.

- Часто говорят, что наше с вами поколение творческих людей оказалось несостоявшимся. Вы разделяете эту точку зрения?

- Я, к сожалению, согласен. Военное и послевоенное поколение творческих людей, за очень редким исключением, не состоялось. Либо мы уехали и ничего не успели сделать там, потому что было слишком поздно. Либо мы остались здесь и, естественно, тоже ничего не смогли сделать. Либо, как я, разменивались туда-сюда и нигде толком. Это поколение я считаю погубленным, причём не нами, а всей системой, всей жизненной ситуацией. Только начиная отсчет с теперешних 22-летних, можно рассчитывать, что из них что-то получится. Они могут выехать на Запад и там все начать заново. Творческим людям необходима миграция. И не нужно этого бояться. Россия все равно Мекка. Что бы ни говорили о том, как наша страна разваливается, разрушается, все равно конкурс им. Чайковского - это конкурс номер один в мире. Ростропович, Третяков, Венгеров - это все имена русской школы. Куда бы мы все ни разъехались, где бы ни нашли пристанище - мы остаемся русскими. Каждая волна русской эмиграции необыкновенно обогащала мир. Например, в начале этого века в Америку приехали наши музыканты, дирижеры, исполнители - и она стала невероятно культурной страной, каковой до этого времени никогда не была. Рахманинов, Рубинштейн и другие создали оркестры, три четверти исполнителей в которых были опять же выходцы из нашей страны. Никакая самая шпионская сеть КГБ не смогла бы организовать такого мирового всепроникновения русских, как это вызвал развал СССР. Американцы и многие европейские страны получили очередную волну эмиграции, которая придала новый импульс их творческой жизни.

Татьяна ТЫССОВСКАЯ
Фото
Михаила МАЙЗЕЛЯ